

ВВЕДЕНИЕ



Поэт-кабили произносит *замил*.
Фото 'Абд ал-'Азиза Бин 'Акила

0.1. Ночные беседы

24 апреля 1986 года. Аден встречает воронками от снарядов и выбоинами от пуль. У деревянного дома Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) в Хормаксаре пробита кровля. Через два дня переносимся в Сейун, главный город долины Хадрамаут, отделенной плоскогорьем от побережья Аравийского моря. Здесь разрушений не видно, хотя бурные январские события — борьба за власть

внутри правящей соцпартии — не обошли стороной и эту провинцию Народной Демократической Республики Йемен.

Очень скоро нам, занимавшимся полевыми разысканиями на юге Аравии с 1983 г., стало заметно, как изменились йеменские собеседники: у них исчезал страх перед острыми темами, разговоры с ними становились более откровенными. В последующие годы моей полевой работы в Хадрамауте как этнографа-арабиста (до 2008 г.) эти настроения только крепли.

Во вторую среду мая 1986 г. наступил священный месяц рамадан и завязались ночные беседы в Сейуне с краеведами Хадрамаута. 'Абд ал-Кадир Мухаммад ас-Саббан (1920–1999), историк и этнограф, литературовед и поэт, спасший от гибели султанский архив ал-Касири (Rodionov, Schoenig 2011: 3), рассказывал о социальной роли поэзии у земледельцев и бедуинов. Джа'фар Мухаммад ас-Саккаф, адвокат, знаток генеалогий, фольклора и народной поэзии, терпеливо отвечал на мои вопросы. Своим разносторонним опытом патриархи местного краеведения продолжали щедро

делиться в последующие годы. Моя благодарность им и всем, кто помогал мне в Хадрамауте, безгранична. Имена некоторых из них упомянуты в этой книге.

Ее замысел смутно обозначился еще в первый полевой сезон, когда я побывал в гостях у народного поэта Бубешра из племени нахд, он же Мубарак Салим Бин 'Акил (1905–1989), о котором писал не раз (см., напр.: Родионов 2009а: 6–9, 112–114, 124–126). Тогда меня поразило, с каким вниманием слушала поэта собравшаяся у него молодежь. Но более четкие очертания тема приобрела во время ночных бесед в рамадан 1986 г.

0.2. Подходы к теме

Для начала необходимо было понять, что я слышу. Разговорный язык жителей Хадрамаута отличается не только от литературного арабского, но и от того, как говорят на севере Йемена или в соседних провинциях юга. Уроженец столичного Адена, закончивший университет в Москве, отказывался понимать «тарабарщину этой деревенщины», а смысл местных стихов и вовсе ставил его в тупик. Приходилось множество раз прокручивать свои магнитофонные записи, сверяя услышанное с письменной фиксацией, сделанной для меня в первый полевой сезон участником СОЙКЭ 'Абд ал-'Азизом Джа'фаром Бин 'Акилем, родственником поэта Бубешра. Без постоянных консультаций с 'Абд ал-'Азизом не были бы написаны многие мои работы, включая эту книгу¹.

Далее предстояло собирать новые образцы мерной речи, соединять воедино записанный и переведенный полевой материал, разобраться с многочисленными локальными реалиями и осмыслить получившееся. Предо мной предстала живая поэзия, совершенно не похожая на томное версификаторство, известное мировому читателю по разноязычным переводам «Тысячи и одной ночи» и бесчисленным романтическим стилизациям.

¹ О 'Абд ал-'Азизе Бин 'Акиле см.: (Родионов 2010б).

Следовало также осознать роль поэта в традиционном обществе, где присущая настоящему стихотворцу сила убеждения позволяет развязывать конфликты и примирять враждующие стороны, создавать и сокрушать репутации, видеть сокровенное и говорить о нем во всеуслышание. Этому я посвятил серию работ (Родионов 1983; 1987; 1988б; 1992; 1993; 1994а: 137–181, 189–200; 1995а; 1999; 2004а; 2005; 2008а; 2008б; Rodionov 1994; 1996; 1997; 2007: 163–200), обобщенных в книге «Демоны слов на краю Аравии. Общество и стихотворство Хадрамаута» (Родионов 2009а).

Указанные исследования проводились в рамках изучения этнической культуры Хадрамаута, с особым вниманием к его западному историко-культурному субареалу — территории, которую местные жители называют ‘Алва, или Вышняя (Родионов 1994а: 5–7, 29–37).

Шаг к написанию этой книги помогла сделать работа немецкого египтолога Яна Ассмана, в которой он в 1983–1991 гг. подробно разработал на примере древних средиземноморских культур теорию культурной памяти, перекликающуюся с подходом к культурному прошлому Хадрамаута, сформулированному в моей докторской диссертации «Традиционная культура Западного Хадрамаута» (1991 г.). Многие аспекты темы обсуждались с младшими коллегами М.Н. Суворовым и М.И. Василенко во время совместной работы над проектом «Племенная поэзия Аравии XX — начала XXI в. (Полевые материалы: поэтика и социально культурные функции)», поддержанного РГНФ в 2006–2009 гг.

0.3. Задачи

Название книги требует пояснений. В первом приближении *культурная память* (КП) — это коллективный опыт этнической группы. В нашем случае он артикулирован с помощью *мерной речи* — набора словесных клише, обладающих размером и рифмой и произносимых вслух. Термин КП, вслед за Ю.М. Лотманом в конце 1980-х годов ввел в мировую науку Я. Ассман, понимая

под ним особые техники хранения и трансформации культурного смысла, т.е., добавим, специфическое сочетание устной и письменной традиций (см.: Ассман 2004, ср.: Vansina 1985). Далее определения этих ключевых понятий будут уточняться и конкретизироваться.

Основная задача исследования — показать, какие образцы мерной речи (в основном поэтические) вспоминаются жителями Хадрамаута применительно к тем или иным историко-культурным реалиям. Причем выбор сделан в пользу тех клише, которые приходят в голову большинству, независимо от степени образованности, в соответствии с локальной устно-письменной традицией. Среди других задач — характеристика этой традиции, а также выяснение того, как с ее помощью создается, поддерживается, воспроизводится и видоизменяется универсум культурной памяти, представляющий собой важнейшее условие для самоидентификации любого этноса.

Что касается мерной речи, то все приводимые далее цитаты, кроме особо оговоренных, извлечены из текстов, записанных мною в 1983–2008 гг. в этнографическом поле Хадрамаута, и позже заочно обсуждены по электронной почте и в социальных сетях, стремительно развивающихся в последнее время на Юге Аравии. Из океана стихов и прозаических комментариев дано только то, что слышал собственными ушами от носителей культурной памяти. Ограничивая себя в историографических и филолого-литературоведческих экскурсах, автор руководствовался замечанием И.Ю. Крачковского о том, что арабскую поэзию плодотворнее изучать ради нее самой, а не как служанку истории и филологии (Крачковский 1957: 16).

0.4. Композиция

Книга продолжает предыдущую работу автора (Родионов 2009), посвященную обществу и стихотворству Хадрамаута, в которой сформулирован ряд базовых выводов и опубликована в оригинале и в переводах часть из цитируемых ниже образцов локальной поэзии на разговорном языке.

Не надеясь на то, что читатель будет обращаться к «Демонам слов», автор повторяет некоторые исходные положения, в основном в первой главе. Там же кратко изложены результаты предыдущего коллективного проекта («Племенная поэзия Аравии XX — начала XXI в.»), ориентиры дальнейшего исследования и его источниковая база. Вторая глава рассматривает культурное прошлое Хадрамаута. В третьей главе очерчены пространственно-временные компоненты культурной памяти, а также их связи с феноменом мерной речи. Четвертая глава посвящена мерной речи и соотношению меры и смысла в культурной практике Хадрамаута. В пятой — дается развернутый комментарий к образцам мерной речи, которые автор считает существенными для понимания культурной памяти изучаемого ареала. В шестой главе рассматриваются границы, центры и периферия культурной ойкумены Хадрамаута. В качестве источников использована не только поэзия и фольклорные материалы, но и классический жанр арабских травелогов (*рихла*), обретший новую популярность в первой половине прошлого века. Предлагается реконструкция имплицитных представлений о Хадрамауте как пространстве культурной памяти, которая представляет его единственным в своем роде ландшафтом жизни и смерти. В заключении подводятся некоторые итоги и показаны изменения, происходящие в культурной памяти рассматриваемого ареала.